АМЕРИКАНСКИЕ БУРЖУАЗНЫЕ ИСТОРИКИ О ПОЛИТИКЕ США НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

А. А. Мурадян

Экспансия США на Дальнем Востоке в период от начала испано-американской и до первой мировой войны неоднократно служила предметом исследования советских и американских историков. На эту тему написано значительное число монографий и еще больше статей. Однако специальных историографических исследований и в советской, и в американской исторической литературе очень мало. В настоящей статье преследуется ограниченная цель — показать развитие некоторых основных историографических концепций политики США на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. Рамки статьи не позволяют коснуться всех вопросов, относящихся к этой теме. Невозможно оценить все работы, упомянуть всех (даже наиболее крупных) историков, разрабатывавших данную тему; автор опустил также вопросы развития источниковедческой базы американских исследований и ее влияния на формирование исторических концепций. Мы считаем своей главной задачей проанализировать взгляды американских историков на сущность политики США, ее цели и мотивы; проследить изменение этих взглядов вплоть до современной исторической литературы.

Конец XIX — начало XX в. был в определенном смысле «переломным» периодом в истории американской внешней политики на Дальнем Востоке. США перешли от традиционного «антиколониализма» в отношениях со странами этого района к классическим формам колониализма и империализма. Испано-американская война, а также обстановка на Дальнем Востоке перед первой мировой войной обострили интерес историков к вопросам внешней политики США в этом районе. Они предприняли попыт-

ки объяснить причины и характер основных внешнеполитических акций США и обосновать их предшествующими внешнеполитическими традициями и заветами «отцов-основателей». Впоследствии, в период между двумя мировыми войнами и после второй мировой войны, американские историки неизменно обращались к событиям этих лет в поисках аргументов для подкрепления своих концепций. Таким образом, изучение данной темы представляет актуальный научный интерес для советских историков.

*

В 1898 г., накануне войны с Испанией, один из сотрудников американского посольства в Китае, Чарлз Денби писал, что китайский рынок «является для американского предпринимателя самым важным в мире» [1]. Его коллега по дипломатической службе, посланник США в Сиаме, Джон Барретт примерно в таких же выражениях оценивал возможности Филиппинских островов, считая их «самым богатым архипелагом в мире» [2]. Сенатор-экспансионист Альберт Беверидж в своих многочисленных выступлениях в конгрессе и в печати подчеркивал необходимость захватить дальневосточные рынки, чтобы спасти американскую промышленность от застоя, а американских рабочих — от безработицы. Особый упор он делал на «девственно нетронутый рынок Китая» [3].

Другой не менее известный в свое время сенатор-экспансионист, Генри Лодж, в речи, произнесенной в конгрессе в марте 1900 г., утверждал: «Аргументы в пользу удержания Филиппин кажутся мне столь убедительными, что я буду вынужден рассматривать их потерю как бедствие для нашей торговли и коммерции и для всех наших деловых интересов, как потерю таких огромных размеров, что ни один человек не в состоянии ее измерить». Лодж, так же как и Беверидж, намекал на возможность массовой безработицы и экономического застоя в стране, если США не захватят дальневосточные рынки [4].

Надежды на огромные возможности Дальнего Востока как рынка сбыта для американских товаров базировались чаще всего на единственном факторе — количестве его населения. Указывалось, что США вывозят в Великобританию с ее 40 млн. жителей товаров на 530 млн. долл. в год, Германия (50 млн. жите-

[1] *Ch. Denby.* America's Opportunity in Asia.— «North American Review», January 1898, p. 37.
[2] *J. Barrett.* The Cuba of the Far East.— «North American Review», February 1897, p. 173.
[3] *A. J. Beveridge.* The Russian Advance. New York and London, 1904, p. 180, 198, 207.
[4] «American Imperialism in 1898», ed. by T. P. Green. Boston, 1955, p. 71, 77.

лей) покупает американских товаров на 190 млн. долл., Франция (40 млн. жителей) — на 85 млн. долл., а в Китай с его 400 млн. жителей США вывозят товаров лишь на 25 млн. долл. Отсюда следовал вывод, что «даже ребенок может видеть возможности расширения американской торговли с Китаем» [5]. Джон Барретт считал, что торговля США со странами Дальнего Востока будет утраиваться каждые десять лет и вскоре достигнет нескольких сот миллионов долларов [6].

Методика расчетов Аллена Айрленда была несколько иная. Однако вывод состоял в том, что Китай и «тропические» страны обладали потенциально большей способностью поглощать товарный экспорт, чем страны умеренного пояса [7]. Упомянутый подход характерен был и при обращении экспансионистов к проблеме экспорта капитала в страны Дальнего Востока.

Слабость его состояла в том, что, во-первых, свою концепцию важности и перспективности дальневосточных рынков экспансионисты обосновывали каким-либо единичным фактором: или наличием огромного населения, или быстрым ростом экспорта из США одного или двух видов товаров за сравнительно короткий период времени (чаще всего упоминались хлопчатобумажные ткани, мука, керосин).

Во-вторых, отсутствие в таких работах конкретного анализа экспортно-импортной структуры США и соответствующих стран Дальнего Востока, который показал бы действительные возможности США поставить на дальневосточные рынки определенные виды товаров и возможности указанных стран в свою очередь вывезти в Америку достаточное количество собственных изделий или сырья в качестве оплаты импорта. Одним словом, в работах американских экспансионистов не было даже попыток показать, насколько совпадали или не совпадали экспортно-импортные структуры будущих торговых партнеров.

В-третьих, они не принимали в достаточной степени в расчет фактор будущего возможного промышленного развития стран этого региона и его влияния на экономические взаимоотношения с США: допустим, как отразилось бы на экспорте американских хлопчатобумажных тканей в Китай развитие собственной текстильной промышленности Китая.

В-четвертых, все американские экспансионисты исходили в своих расчетах из недостаточно обоснованного условия, что Китай будет быстро развиваться по капиталистическому пути, примерно такими же темпами, как Япония; ибо, в противном случае, китайский рынок был слишком узок, чтобы американские предприниматели могли возлагать на него большие надежды.

И, наконец, необходимо особенно подчеркнуть, что американские авторы полагали тогда, будто предпринимателям из США не придется сталкиваться в странах Дальнего Востока с серьезной иностранной конкуренцией [8].

Сторонники экспансии США на Дальнем Востоке были склонны игнорировать межимпериалистические противоречия и их влияние на коммерческие возможности американских предпринимателей в странах этого района.

Анализируя концепции сторонников экспансии США на Дальнем Востоке, следует упомянуть о влиянии на их формирование буржуазных теорий империализма, появившихся в США и Европе в конце XIX — начале XX в. По-видимому, одной из самых первых работ, в которых экспансионистская политика империалистических держав связывалась с экономическими процессами их собственного капиталистического развития, явилась статья Чарлза Конанта «Экономическая основа «империализма»», опубликованная в 1898 г. в журнале «Норс Американ ревю». Конант доказывал, что в развитых капиталистических странах Европы и в США образовались огромные излишки капитала, не находившего внутреннего применения. Эти страны стояли перед необходимостью найти «отдушину» для этого избыточного капитала, чтобы избежать «социальной революции». Европейские державы, писал он, нашли выход из этого положения в создании колониальных империй, куда они стали вывозить капитал; на этот путь неизбежно должны вступить и США. Причем «самыми многообещающими» районами для американских вкладчиков капитала он объявил Азию и Африку [9].

Конант специально оговаривал необходимость для американского государства принять активные внешнеполитические шаги, чтобы закрепиться в Китае: «Нынешняя обстановка в Китае такова, что требует энергичных политических действий со стороны всех держав, которые хотят обеспечить новые возможности для своей коммерции» [10].

Четыре года спустя (в 1902 г.) в Лондоне и Нью-Йорке вышла в свет монография английского экономиста Джона Гобсона «Империализм: исследование», в которой идеи, высказанные Конантом, были развиты на более обширном материале [11].

В другой своей работе Гобсон доказывал, что торговля США с Китаем займет подчиненное положение по сравнению с экспор-

[5] *A. J. Beveridge.* Op. cit., p. 202.
[6] *J. Barrett.* The Paramount Power of the Pacific.— «North American Review», August 1899, p. 171—172.
[7] *A. Ireland.* Commercial Aspect of the Yellow Peril.— «North American Review», September 1900, p. 391—393.
[8] «North American Review», January 1898, p. 39.
[9] *Ch. A. Conant.* The Economic Basis of «Imperialism».— «North American Review», September 1898, p. 326—327, 238.
[10] Ibid., p. 340.
[11] *Дж. Гобсон.* Империализм. Л., 1927, стр. 249.

том американского капитала в эту страну [12]. Согласно его представлениям собственный американский рынок был уже абсолютно не в состоянии поглощать капитал. Он писал: «Их фабрики и заводы насыщены капиталом и совершенно утратили способность дальнейшего его поглощения» [13]. Автор признавал, что бессмысленно ожидать, будто «индустриализация Китая Западом (в целях его эксплуатации.— *А. М.*) может быть осуществлена без деятельного политического контроля» со стороны империалистических держав, но видел выход в возможности устранения межимпериалистических противоречий и соперничества путем создания коалиции капиталистических стран во имя огромных экономических выгод от этого предприятия.

Брукс Адамс обосновывал право США производить колониальные захваты и вести колониальные войны необходимостью обеспечить для США контроль над месторождениями угля и железа и над рынками в Азии и в других частях света [14].

Одним словом, захват колоний на Дальнем Востоке объявлялся настолько «жизненно важным» делом, что США не должны были останавливаться даже перед вооруженной борьбой с любыми соперниками. Колонии нужны были для хозяйственного развития США в качестве «отдушин» для избыточных товаров и капиталов и как источник сырья, в котором американская экономика якобы испытывала недостаток.

При анализе основных положений буржуазных теоретиков империализма нельзя не обратить внимания на следующие моменты.

Во-первых, правильно схватив суть нового явления — вывоз капитала за границу,— они не предприняли попыток разобраться, в какие государства по преимуществу он направлялся. Характерно, что Франция большую часть своих капиталов в то время вывозила не в свои колонии, а в Россию, Румынию, Испанию и т. д. В 1902 г. она вывезла в свои колонии примерно 2—2,5 млрд. фр. из общего количества зарубежных инвестиций в 30—35 млрд. фр. Англия к 1913 г. вывезла в США больше капиталов, чем в любую из своих колоний. Британские колонии в то время поглощали менее половины всех капиталов, экспортированных метрополией за границу [15].

Во-вторых, механическое перенесение некоторых черт экономического развития европейских капиталистических стран на США, которые вплоть до первой мировой войны больше ввозили иностранных капиталов, чем вывозили. В-третьих, игнорирование

[12] *J. A. Hobson.* The Evolution of Modern Capitalism. New York and Melbourn, 1916, p. 263.
[13] *Дж. Гобсон.* Империализм, стр. 77.
[14] *B. Adams.* America's Economic Supremacy. New York and London, 1947, p. 194.
[15] «American Imperialism in 1898», p. 14—15.

внешнеполитической конъюнктуры на Дальнем Востоке, наличия межимпериалистических противоречий, оказывавших здесь подчас решающее влияние на масштабы экономической экспансии США.

Характер и размеры статьи не позволяют нам подробно остановиться на вопросе, какое место в американской торговле и вывозе капитала занимали страны Дальнего Востока. Выскажем лишь несколько замечаний. Согласно официальной статистике в американском экспорте и импорте на рубеже XIX—XX в. главное место занимали Северная и Южная Америка и Европа. Страны же Дальнего Востока имели меньшее значение, хотя их доля обнаруживала тенденцию к росту. Среди этих стран самым важным для США торговым партнером являлась Япония; ее доля в американской торговле была в полтора-два раза больше, чем Китая. Доля Китая в общем американском экспорте в 1900 г. составила 1%, а в 1910 г. она не достигала даже 1%; в импорте США она упала за тот же период с 3,1 примерно до 2% [16].

Дело заключалось в том, что ни реальное положение, существовавшее в торговле США с Китаем, ни ее ближайшие перспективы с точки зрения товарной структуры экспорта и импорта обеих стран не давали оснований экспансионистам утверждать, что Китай имел для США «жизненно важное» значение как рынок сбыта американских товаров и источник сырья для их промышленности или потребителей. Более того, даже отдельные виды товаров, на которые возлагались особые надежды экспансионистов конца XIX — начала XX в. (хлопчатобумажные ткани, мука, керосин) [17], не смогли найти в Китае достаточно широкого рынка. Среди 12 основных видов товаров, ввозимых в Китай [18], удельный вес хлопчатобумажных тканей в импорте Китая с 1871 по 1921 г. уменьшился соответственно с 30,2 до 18,4%, а в дальнейшем упал до десятых долей процента. Однако следует также иметь в виду, что главными поставщиками хлопчатобумажных тканей в Китай были англичане и японцы и американцам надо было вести тяжелую конкурентную борьбу с этими и другими соперниками. Наконец, немаловажную роль играло то обстоятельство, что в Китае стала развиваться собственная хлопчатобумажная промышленность; правда, она в значительной степени принадлежала иностранцам — англичанам и японцам прежде всего, но не американцам.

[16] Подробно см.: Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957. Washington, 1960, p. 550—552; Statistical Abstract of the United States, 1931. Washington, 1931, p. 499; Statistical Abstract of the United States, 1913. Washington, 1914, p. 351—357.
[17] *M. B. Dunnell.* Our Policy in China.— «North American Review», October 1898, p. 403—404; *T. R. Jernigan.* Commercial Trend of China.— «North American Review», July 1897, p. 68.
[18] См. «История экономического развития Китая 1840—1948 гг.». Сб. статистич. материалов. М., 1958, стр. 91.

Мука также не заняла важного места в китайском импорте. Доля нефтепродуктов в китайском импорте постепенно увеличивалась в рассматриваемый период. В конце XIX — начале XX в. Китай ввозил ежегодно 10 млн. галлонов керосина, примерно половина этого количества поступала из США, что составляло 4—5% американского экспорта нефтепродуктов за границу (около миллиарда галлонов в год) [19]. Ежегодная добыча нефти в США составляла в 1898 г. 55 млн. баррелей (т. е. 2,2 млрд. галлонов), в 1903 г.— 100 млн. баррелей [20] (т. е. 4 млрд. галлонов). Таким образом экспорт нефтепродуктов в Китай в 1898 г. составлял примерно 2,3% общей добычи нефти в США. Поэтому Китай не рассматривался в тот период как обширный рынок для американской нефти и керосина.

Доля Филиппинских островов в торговле США не превышала нескольких процентов. Эти острова не стали серьезной «отдушиной» для товаров американской промышленности. Однако если доля США в торговом обороте Китая поднялась с 8—10% в начале XX в. до 13—19% к 30-м годам, то доля США в торговом обороте Филиппин составила в начале века примерно 23%, а к 30-м годам — 60—70% [21] (т. е., используя свое колониальное господство, США почти полностью привязали филиппинскую экономику к своему рынку).

Что касается экспорта американского капитала в страны Дальнего Востока, то в 1900 г., по данным американских экономистов Ниринга и Фримэна, банки США приобрели иностранных ценных бумаг на сумму 50 млн. долл., из этого количества 5 млн. (т. е. 1%) пришлись на страны Дальнего Востока — Китай и Японию [22]. По подсчетам С. Ф. Ремера, американские частные капиталовложения в Китае в 1902 г. составили 19,7 млн. долл., а в 1914 г.— 49,3 млн., это соответственно 2,5 и 3,1% частных инвестиций всех западных держав в Китае [23]. В 1914 г. американские частные капиталовложения в Китае составили 1,4% всех частных капиталовложений США за границей, составлявших в то время 3,5 млрд. долл. [24]

Следовательно, Китай и другие страны Дальнего Востока — Корея, Филиппины, Гавайи, Гуам — не служили еще для США

[19] В 1898 г. США экспортировали за границу 986 млн. галлонов керосина, в 1902 г.— 1064 млн. галлонов (*А. А. Фурсенко.* Нефтяные тресты и мировая политика 1880-е годы — 1918 год. М.— Л., 1965, стр. 220; см. также: Statistical Abstract of the United States, 1900. Washington, 1901, p. 341).

[20] *А. А. Фурсенко.* Указ. соч., стр. 190, 220.

[21] «История экономического развития Китая», стр. 84; *S. Jenkins.* United States Economic Policy Towards the Philippine Republic. New York, 1947, p. 67.

[22] См.: *С. Ниринг* и *Дж. Фримэн.* Дипломатия доллара. М., 1926, стр. 17.

[23] *C. F. Remer.* Foreign Invesments in China. New York, 1933, p. 76.

[24] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957, p. 565.

в начале XX в. «самым важным» рынком для их товаров или капиталов. Латинская Америка привлекла особое внимание американских монополистов.

Кроме того, буржуазные теоретики империализма Конант, Беверидж, Гобсон и др. основывали свою концепцию, в частности, на размерах китайского рынка труда, не принимая во внимание ни экономического, ни политического положения в стране. Между тем, анализируя мотивы вывоза капитала империалистических держав в отсталые страны, В. И. Ленин подчеркивал фактор извлечения прибыли: «В этих отсталых странах прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешевы» [25]. Логично поэтому предположить, что при отсутствии этих условий или в случае, если низкая заработная плата не компенсирует недостаток нужной квалификации у рабочих, когда в стране нет необходимой сырьевой базы, нет внутренней политической стабильности и т. п., то частный капитал не проявит особой заинтересованности в такой стране. В работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин указывал, что финансовый капитал не обязательно устремляется именно в колониальные владения и непременно в виде инвестиций в промышленность. Он приводил в пример Францию: «Иное дело во Франции. Здесь заграничный капитал помещен главным образом в Европе и прежде всего в России (не менее 10 миллиардов франков), причем преимущественно это — *ссудный* капитал, государственные займы, а не капитал, вкладываемый в промышленные предприятия» [26].

Вывоз капитала и торговля могли успешно развиваться только при наличии определенных условий как экономического, так и политического характера. Поглотить большие количества иностранного капитала и товаров могли страны, находящиеся на определенном уровне социально-экономического развития, обладавшие сравнительно широким внутренним рынком.

Следует отметить, что противники дальневосточного направления американской экспансии высказывали сомнения в ценности рынков стран этого района для США, так как им нечем расплачиваться за американские товары. Оперируя теми же цифрами, что и экспансионисты, «антиимпериалисты» приходили к противоположным выводам [27].

Любопытно, что вплоть до первой мировой войны США гораздо больше (примерно в два раза) ввозили иностранных капиталов, чем вывозили [28].

[25] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 360.

[26] Там же, стр. 361.

[27] *E. Atkinson.* Eastern Commerce: What Is It Worth? — «North American Review», February 1900, p. 295—302.

[28] В 1908 г., т. е. через 10 лет после выхода работы Конанта и через шесть лет после опубликования монографии Гобсона, иностранные час-

В. И. Ленин в свое время подверг критике многие положения концепции Гобсона. В частности, отмечая верно подмеченную Гобсоном тенденцию империализма к загниванию, к превращению крупных капиталистических держав в постоянных паразитов на теле человечества, В. И. Ленин указывал, что такое развитие имело бы место, «*если бы* силы империализма не встретили противодействия...» [29]. Основоположник марксистской теории империализма подчеркивал, что нельзя не учитывать «тех противодействующих империализму вообще и оппортунизму в частности сил, которых естественно не видеть социал-либералу Гобсону» [30].

Главное же отличие ленинского представления об империализме от буржуазного состояло в том, что Ленин рассматривал империализм как высшую и последнюю стадию социально-экономического развития капиталистического общества, а отнюдь не только как внешнюю политику территориальной экспансии империалистических государств. Советская литература, посвященная разбору ленинской теории империализма, обширна [31]. Это позволяет нам не останавливаться на этом аспекте темы.

Идеи экспансионистов пользовались в свое время большой популярностью у американских публицистов и историков. Между тем некоторые американские авторы выступили с иными объяснениями мотивов, толкнувших США на войну с Испанией, осуществление территориальных захватов в Тихом океане и проведение экспансионистской политики в странах Дальнего Востока.

В период от испано-американской до конца первой мировой войны были опубликованы работы Уильяма Гриффиса, Томаса Милларда, Джеймса Каллахана, Кеннета Латуретта, Карла Фиша, Арчибалда Кулиджа, Джона Мура, Уиллиса Джонсона и других историков, в которых не только освещались конкретные события внешней политики США на Дальнем Востоке, но были предприняты попытки проанализировать и обосновать ее основные принципы исходя из официальных объяснений, содержавшихся в заявлениях президентов Маккинли, Рузвельта, Тафта и других государственных деятелей [32].

тные инвестиции в США составили 6,4 млрд. долл. и американские частные капиталовложения за границей — 2,5 млрд., а в 1914 г. это соотношение выглядело как 6,7 млрд. и 3,5 млрд. (Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957, p. 565).

[29] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 402.

[30] Там же.

[31] В качестве одной из самых последних работ на эту тему можно указать: *Е. Г. Василевский.* Развитие взглядов В. И. Ленина на империализм (1893—1917). М., 1969.

[32] *W. E. Griffis.* America in the East. London, 1899; *T. F. Millard.* The Far Eastern Question. London, 1909 (1-е изд.— 1908 г.); *idem.* Our Eastern Question. New York, 1916; *J. M. Callahan.* American Relations in the Pacific and the Far East 1784—1900.— «Johns Hopkins University Studies in Historical and Political Science», Series XIX, N 1-3, Baltimore, 1901;

Сторонники «официальной» концепции обосновывали неизбежность экспансии США в Тихом океане велениями «провидения» или просто бога, выполнением цивилизаторской «миссии», которая свыше возложена на американский народ, необходимостью распространить американские «идеалы» и ценности (имелись в виду политические институты, христианская религия, свободное частное предпринимательство и т. п.) на весь район Дальнего Востока. Сторонники этого подхода утверждали, что внешняя политика США движима импульсами благожелательности, гуманизма, альтруизма по отношению к другим народам; целью политики США является обеспечение свободы, демократии и благосостояния народам Дальнего Востока. Война с Испанией, писали Джеймс Каллахан, Уиллис Джонсон, Джон Мур и другие историки, была продиктована гуманистическими соображениями, стремлением «положить конец безобразному правлению Испании на Кубе», а ее результаты привели, помимо желания США, к захвату Филиппин и других тихоокеанских островов [33].

Для США, утверждал У. Джонсон, являлось «делом чести и гуманности» установить свою власть над Филиппинами после разгрома испанского флота, чтобы, во-первых, не ввергнуть филиппинцев в «хаос и анархию», во-вторых, организовать на островах хорошее политическое управление, так как сами филиппинцы не были готовы к осуществлению самоуправления, и, в-третьих, обеспечить архипелагу безопасность и не допустить его завоевания какими-либо другими державами [34].

Американские историки, стоящие на «официальной» платформе, указывали, что США — страна миролюбивая и не стремящаяся якобы к территориальным приобретениям. В качестве обоснования этого тезиса обычно цитируются миролюбивые заявления президента Маккинли и инструкции американским представителям на Парижской мирной конференции в октябре-ноябре 1898 г., на

K. S. Latourette. The History of Early Relations Between the United States and China 1784—1844. New York, 1964 (1-е изд.— 1917 г.); *C. R. Fish.* American Diplomacy. New York, 1916; *J. B. Moore.* The Principles of American Diplomacy. New York and London, 1918 (1-е изд.— 1905 г.); *A. C. Coolidge.* The United States as a World Power. New York, 1909 (1-е изд.— 1908 г.); *W. F. Johnson.* America's Foreign Relations, Vols I—II. New York, 1916; *E. R. Johnson, T. W. Van Metre, a.o.* History of Domestic and Foreign Commerce of the United States, Vols I—II. Washington, 1922 (1-е изд.— 1915 г.); *B. Adams.* America's Economic Supremacy. New York and London, 1947 (1-е изд.— 1900 г.); *J. H. Latane.* America as a World Power 1897—1907. New York and London, 1907.

[33] *J. M. Callahan.* American Relations...— «Johns Hopkins University Studies in Historical and Political Science», Series XIX, N 1-3, p. 12; *W. F. Johnson.* America's Foreign Relations, Vol. II, p. 261; *J. B. Moore.* The Principles of American Diplomacy, p. 208.

[34] *W. F. Johnson.* Op. cit., Vol. II, p. 261, 267.

которой Соединенные Штаты потребовали себе весь Филиппинский архипелаг [35].

Некоторые сторонники экспансии США в бассейне Тихого океана обосновывали ее естественность с точки зрения морали и права, на том основании, что американская экспансия есть выполнение цивилизаторской «миссии» [36].

Другие историки делали акцент на неожиданности, неконтролируемости развития событий. А. Кулидж писал: «Внезапно обстановка коренным образом изменилась, и страна обнаружила себя вовлеченной в войну за границей, а вскоре после этого, без подготовки и намерения, она оказалась на пути завоеваний и экспансии» [37]. Авторская мысль сводится к тому, что некие неведомые силы внезапно «вовлекли» США в колониальную политику; каковы эти силы, многие историки не уточняли. Иные вскользь упоминали о внутренних силах и причинах, существовавших длительное время. Например, К. Фиш бросил намек о «новом духе», родившемся в США, о влиянии прессы на общественное мнение и государственных деятелей, но все эти высказывания не были подкреплены скрупулезным научным исследованием [38].

При объяснении политики США на Дальнем Востоке некоторые американские историки делали акцент на внешнеполитических и военно-стратегических аспектах международных отношений, пытались подвести под экспансионистский курс США теоретическую базу в виде «открытых» ими общих законов, управляющих межгосударственными отношениями на протяжении всей истории человечества. Приверженцы подобной «международно-политической» концепции, не отвергая двух предшествующих подходов, т. е., соглашаясь с тем, что и экономические, и различные «идеальные» соображения существенны для понимания причин, толкнувших США на осуществление империалистических захватов в Тихом океане в конце XIX в., тем не менее подчеркивали неизбежность для крупного государства следовать определенным законам международной жизни, если это государство желает играть ответственную роль в международных делах и вообще выжить в условиях ожесточенной борьбы на мировой арене.

[35] *C. R. Fish.* Op. cit., p. 408; *J. M. Callahan.* American Relations...— «Johns Hopkins University Studies in Historical and Political Science», Series XIX, N 1-3, p. 151—154. О доктрине «открытых дверей» см.: *А. А. Фурсенко.* Американская буржуазная историография о происхождении доктрины Хэя.— «Критика новейшей буржуазной историографии», вып. 3. М.— Л., 1961, стр. 311—334.

[36] *W A. Peffer.* A Republic in the Philippines.— «North American Review», March 1899, p. 318—320.

[37] *A. C. Coolidge.* Op. cit., p. 39.

[38] *C. R. Fish.* Op. cit., p. 408—412.

«Международно-политическая» концепция формировалась под большим влиянием европейской социологической науки (особенно «социального дарвинизма»), в которой развивались идеи неизбежности войн и завоеваний в человеческом обществе как проявление закона естественного отбора. Среди главных мотивов экспансии нередко фигурировали внешнеполитические и военно-стратегические причины как условия для «выживания» Соединенных Штатов.

Так, основная мысль Альфреда Мэхэна сводилась к необходимости для крупной державы, претендующей на мировое господство, иметь сильный военно-морской флот. Но чтобы боевой флот мог эффективно действовать, он нуждается в базах вдали от метрополии, иначе говоря, метрополии нуждаются в колониях. «Колонии, привязанные к своей метрополии, представляют поэтому вернейшие средства для поддержки за границей морской силы страны»,— писал Мэхэн. Развивая эту мысль, он утверждал: «Не имея поэтому для своей опоры за границей соответствующих учреждений, ни колониальных, ни военных, военные суда Соединенных Штатов во время войны уподобятся сухопутным птицам, которые не в состоянии улететь далеко от берегов. Обеспечение для них станций, где они могли бы пополнять свои угольные запасы и производить ремонт, должно составлять одну из первых обязанностей правительства, намеревающегося развить силы нации на море» [39].

Однако создание мощного военного флота и колониальных баз во всех частях света, писал Мэхэн,— не самоцель. Он считал, что только таким образом государство может обеспечить «собственные интересы», защита которых и является целью национальной политики. Под «собственными интересами» Мэхэн понимал также и экономические интересы. Он писал: «Для обеспечения собственного народа непропорциональной долей таких выгод необходимо предпринять все усилия, чтобы оттеснить других либо мирными законными методами посредством установления монополии, или запретительным законодательством, либо, когда подобные меры не достигают цели, прямым насилием» [40].

Мэхэн оказал большое влияние на политическую и особенно внешнеполитическую мысль США конца XIX — начала XX в. К его мнению прислушивались многие американские государственные деятели. В своих работах, посвященных американской политике на Дальнем Востоке, он неизменно выдвигал идею о необходимости для США иметь в этом районе достаточные во-

[39] *А. Т. Мэхэн.* Влияние морской силы на историю 1660—1783. М.— Л., 1941, стр. 65. Эта книга была впервые издана в 1890 г. На русском языке появилась в 1895 г.

[40] Цит. по: *Ch. A. Beard.* A Foreign Policy for America. New York and London, 1940, p. 42.

оруженные силы, использовать существующую внешнеполитическую ситуацию для достижения своих целей, прежде всего коммерческих [41]. Мэхэн был сторонником принципа поддержания «равновесия сил» в мировой политике. И хотя понятие «сила» сводилось им по преимуществу к военно-морской силе, последнюю он рассматривал довольно широко, не сводя ее лишь к орудию «в руках министерства». Обращаясь к истории Великобритании, он квалифицировал ее морскую мощь как основу, на которой «держалась здоровая жизнь великой нации, единственной обладательницы деятельной силы» [42].

Мэхэн рассматривал страны Дальнего Востока не только как объект экономической эксплуатации, но и как арену политической борьбы между основными мировыми державами. Он выступал за сотрудничество США с Великобританией в дальневосточной политике вообще и в Китае в частности, считая Россию главной угрозой для англо-американских интересов. На аналогичной точке зрения стояли и многие другие сторонники «международно-политического подхода»; часть из них с беспокойством следила за быстрым усилением Японии [43]. Некоторые авторы предлагали приобрести в Китае собственную американскую «сферу влияния» как плацдарм для совместной борьбы США и Англии против других держав за политическое и экономическое влияние в Восточной Азии. Это был призыв отказаться на деле от доктрины «открытых дверей». Наиболее подходящими районами для установления американской сферы влияния в Китае называлась провинция Чжецзян с портами Нинбо и Ханчжоу и северная часть провинции Гуандун с портом Сватоу [44]. Иногда внешнеполитические, военно-стратегические и экономические соображения настолько тесно переплетены в аргументации авторов в пользу экспансии США в Тихом океане, что трудно определить, какому из них отдается предпочтение [45].

[41] *A. T. Mahan.* The Problem of Asia and Its Effect upon International Politics. London, 1900; *idem.* The Interest of America in Sea Power, Present and Future. London, 1898; *idem.* Retrospect and Prospect. Boston, 1902, *idem.* The Interest of America in International Conditions. London, 1910.

[42] *А. Т. Мэхэн.* Влияние морской силы на французскую революцию и империю (1793—1812), т. 2. М.— Л., 1940, стр. 278.

[43] *J. H. Wilson.* America's Interests in China.— «North American Review», February 1898, p. 132—141; *C. H. Cramp.* The Coming Sea-Power.— «North American Review», October 1897, p. 444 — 450; *J. Murdoch.* Japan and Russia in the Far East.— «North American Review», May 1900, p. 609—630; *G. W. Melville.* Our Future in the Pacific — What We have there to Hold and Win.— «North American Review», March 1898, p. 281—296; *H. R. Hulbert.* The Enfranchisement of Korea.— «North American Review», June 1898, p. 710—715; *A. T. Mahan.* Effects of Asiatic Conditions upon International Policies.— «North American Review», November 1900, p. 613—625; *C. W. Dilke.* America and England in the East.— «North American Review», October 1899, p. 560—563; *R. A. Alger.* America's Attitude Toward England.— «North American Review», March 1900, p. 333—334.

[44] *D. C. Boulger.* America's Share in a Partition of China.— «North American Review», August 1900, p. 173—181.

*

Испано-американская война и ее последствия породили в американской исторической науке и публицистике критическое течение, выступавшее против колониальной политики США в традиционных, классических формах. То было так называемое антиимпериалистическое направление, имевшее в качестве своей базы политическое движение антиимпериалистов в США в конце XIX—начале XX в. [46]

Антиимпериалисты считали, что с точки зрения американских интересов аннексия Филиппин нецелесообразна по нескольким причинам. Во-первых, это противоречит американским демократическим традициям и является отступлением от заветов «отцов-основателей». Во-вторых, колонизация архипелага невыгодна экономически (островитяне слишком бедны, чтобы они могли купить значительное количество американских товаров) и политически, так как в силу удаленности от США эти острова будет трудно защитить военными средствами от покушений других держав. Из-за этих бедных островов Соединенным Штатам, говорили антиимпериалисты, пришлось бы вступить в сложную внешнеполитическую игру на Тихом океане, вербовать союзников, изолировать соперников и т. п., одним словом, подвергать угрозе свою собственную безопасность [47].

Высказывалось также беспокойство в связи с необходимостью увеличить военные расходы на содержание сильного флота и армии, что может породить милитаризм и создать угрозу демократическим институтам в самих США.

Следует оговориться, что выделение различных направлений и подходов в американской исторической науке по вопросу о политике США на Дальнем Востоке в большой степени условно. Даже у наиболее последовательных сторонников того или иного взгляда нередко встречаются аргументы, заимствованные из ар-

[45] *T. Beale.* Strategical Value of the Philippines.— «North American Reveiw», June 1898, p. 760; *H. C. Ide.* Our Interest in Samoa.— «North American Review», August 1897, p. 155—167.

[46] О политическом движении антиимпериалистов см.: *И. П. Дементьев.* Американские антиимпериалисты 1898 года.— «Новая и новейшая история», 1969, № 3, стр. 23—37.

[47] *G. G. Vest.* Objections to Annexing the Philippines.— «North American Review», January 1899, p. 112—120; *W. C. Ford.* Commercial Superiority of the United States.— «North American Review». January 1898, p. 83—84; *A. Carnegie.* Distant Possessions — the Parting of the Ways.— «North American Review», August 1898, p. 239—248; *idem.* Americanism versus Imperialism.— «North American Review», March 1899, p. 362—372.

сенала иных направлений. Например, Джона Барретта следует отнести к приверженцам «экономического» подхода. Однако в своих работах он нередко оперировал и соображениями морали, и превосходства англосаксонской расы, и военно-стратегическими, и внешнеполитическими тезисами. Такой же метод характерен и для многих других историков. Т. Миллард писал о моральных и материальных факторах, определявших политику США, об «обязательствах» по отношению к странам Дальнего Востока, о христианстве, свободе, прогрессе, справедливости и других соображениях, повлиявших на формирование внешнеполитического курса США на Тихом океане в конце XIX в.[48] Одним словом, как правило, в работах американских историков используется несколько концепций, хотя преобладать может какая-либо одна из них. Ниже мы рассмотрим изменения, которые претерпели основные концепции политики США на Дальнем Востоке в последующие десятилетия.

На историческую литературу периода между двумя мировыми войнами оказали влияние изоляционистские настроения американской общественности. Кроме того, исторический опыт показал неубедительность некоторых концепций, выдвинутых американскими историками и публицистами в конце XIX — начале XX в.

Претерпела некоторые изменения концепция американской «миссии» в Азии и Океании. Стали исчезать в системе ее аргументов ссылки на бога, «предопределение судьбы», расовое превосходство в том откровенном виде, который был характерен для литературы конца XIX в. Историки стали чаще ссылаться на демократизм американского общественно-политического строя, антиколониальный характер политики США. «Миссия» Америки все больше трактовалась как поддержка народов Дальнего Востока в их борьбе с европейскими колонизаторами, стремление создать «сильную Азию», способную с американской помощью отстаивать свою независимость и суверенитет. Но в целом «официальное» направление американской историографии, в котором концепция «миссии» занимает важное место, продолжало развиваться в период между двумя мировыми войнами.

В американской исторической литературе в период от конца первой до конца второй мировой войны точка зрения о гуманизме и альтруизме политики США на Дальнем Востоке стала одной из наиболее распространенных. Она развивалась с большей или меньшей последовательностью в работах таких американских истори-

[48] *J. Barrett.* America's Duty in China.— «North American Review», August 1900, p. 146—157; *T. F. Millard.* Our Eastern Question, p. 274; *idem.* The Far Eastern Question, p. 12, 344, 353; *C. W. Dilke, J. Barrett, H. H. Lusk.* The Problem of the Philippines.— «North American Review», September 1898, p. 260—267; *J. T. Morgan.* What Shall We Do with the Conquered Islands? — «North American Review», June 1898, p. 641—645.

ков, как Альфред Деннис, Джон Фостер, Фостер Р. Даллес, Уитни Грисуолд, Джюлиус Прэтт, Томас Бейли, Тайлер Деннетт, Декстер Перкинс, Сэмюэл Бемис и др.[49] Сказанное не означает, что все перечисленные ученые целиком поддерживали официальный внешнеполитический курс; среди них оказались и критики этого курса (например, Бемис).

Американские ученые предложили целый ряд других концепций для объяснения политики США, в дополнение к официальным. Часть историков подчеркивала влияние американской прессы (и персонально Херста и Пулитцера) на формирование внешнеполитического курса США на Дальнем Востоке, и в частности в развязывании американо-испанской войны. С. Бемис писал: «Безответственная и эгоистичная журналистика должна нести свою значительную долю ответственности за испано-американскую войну»[50]. Другие предпочитали возложить ответственность за эту войну и за последующую политику в отношении Китая персонально на идеологов экспансионизма и на отдельных государственных деятелей, таких, как сенаторы Беверидж и Лодж или президенты Маккинли и Рузвельт. Чарлз Бирд, один из крупнейших американских историков первой половины XX в., обвинил политических деятелей, офицеров военно-морского флота и интеллигенцию в том, что США начали империалистическую экспансию в конце XIX в. в Тихом океане[51].

Можно констатировать, что в работах, опубликованных после первой мировой войны, американские историки отвергли экономическое объяснение экспансии США на Дальнем Востоке, предложенное идеологами экспансионизма конца XIX — начала XX в. Причем, бóльшая их часть склонна почти целиком отрицать влияние экономических интересов США в этом районе на формулирование внешнеполитического курса этой страны, либо считать его несущественным. Отдельные историки в 20—30-е годы продолжали придерживаться концепции об особом экономическом значении Дальнего Востока для США. В работе Николаса Рузвельта, опубликованной в 1928 г., развивалась точка зрения Брукса Адамса, высказанная им в 1900 г., о необходимости для США захватить месторождения угля и железной руды в Китае, о «жизненной важности» азиатского сырья для американской экономики[52]. В меньшей степени этот подход характерен для иссле-

[49] *A. L. Dennis.* Adventures in American Diplomacy 1896—1906. New York, 1928; *J. W. Foster.* American Diplomacy in the Orient. Boston, New York, 1926; *A. W. Griswold.* The Far Eastern Policy of the United States. New York, 1938; *T. A. Bailey.* America's Foreign Policies: Past and Present. New York, 1943; *T. Dennett.* Americans in Eastern Asia. New York, 1922; *S. F. Bemis.* A Diplomatic History of the United States. New York, 1936.

[50] *S. F. Bemis.* Op. cit., p. 442.

[51] *Ch. A. Beard.* Op. cit., p. 72, 73.

[52] *N. Roosevelt.* The Restless Pacific. New York, London, 1928, p. 53—74.

дований Уильяма Лэнджера и Акила Вайэллейта, которые старались оперировать фактами империалистической политики европейских держав [53].

Американские историки предприняли специальные исследования с целью выяснить размеры экономических интересов США на Дальнем Востоке и позицию деловых кругов в отношении испано-американской войны. Наиболее крупной и хорошо документированной работой по этой теме является монография Джюлиуса Прэтта [54]. Большой документальный материал (статистика, пресса и т. п.) убедительно свидетельствовал, что экономические интересы США на Дальнем Востоке сыграли некоторую роль в формировании внешнеполитического курса США в этом районе.

Дж. Прэтт при написании своей монографии привлек большой газетный и журнальный материал, чтобы показать отношение деловых кругов США к испано-американской войне. Его вывод выглядит убедительным: американские деловые круги в целом либо отрицательно, либо безразлично относились к этой войне. Но такое отношение, констатирует сам Прэтт, продолжалось лишь до получения известия о победе Дьюи в Манильском заливе, после этого «бизнесмены наконец присоединились к джингоистам в их требованиях имперских завоеваний» [55] . Более того, после победы Дьюи многие печатные органы деловых кругов возглавили шумную кампанию прессы, требовавшую от правительства энергичной экспансии на Дальнем Востоке, и в частности в Китае [56].

Сэмюэл Бемис в своих трудах развивал концепцию о том, что американская экспансия на Дальнем Востоке в рассматриваемый период представляла якобы «национальное заблуждение» и с экономической точки зрения она не принесла выгод США. Кроме того, по его словам, все экономические и политические выгоды достались филиппинцам и китайцам. Первые были якобы спасены от жестокого колониального правления испанцев, вторые — от раздела их территории между европейскими державами. Что касается США, то они лишь потратили массу денег на свои колониальные авантюры и оказались вовлеченными в международные склоки, грозившие еще большими потерями [57].

Конечно, общность критического антиимпериалистического течения в американской публицистике конца XIX в. и критической изоляционистской концепции Бемиса и Бирда в 1920—1940-х

[53] *W. L. Langer.* The Diplomacy of Imperialism, 1890—1902, Vols 1—2. New York, 1935; *A. Viallate.* Economic Imperialism and International Relations During the Last Fifty Years. New York, 1923.
[54] *J. W. Pratt.* Expansionists of 1898. Baltimore, 1936.
[55] Ibid., p. 266—267.
[56] Ibid., p. 267—278.
[57] *S. F. Bemis.* Op. cit., p. 475—501.

годах весьма условна. Тем не менее такое сопоставление в целях выяснения преемственности некоторых идей в американской историографии, на наш взгляд, вполне правомерно. Точка зрения Бирда интересна еще и тем, что, отрицая экономическое объяснение в качестве главного оправдания американской экспансии, он отнюдь не выступал против экспансии вообще. В последнем случае подход Бирда очень напоминал «международно-политическую» концепцию.

Бирд полагал, что США, аннексируя Филиппины и провозглашая доктрину «открытых дверей», руководствовались, разумеется, и экономическими и военно-стратегическими интересами на Дальнем Востоке. Филиппины они рассматривали как базу в широком смысле слова (а не только как военную) для своей политики на Востоке, а Китай — как возможный рынок. Однако если представители деловых кругов надеялись, что китайский рынок может быть обеспечен простой посылкой флота к его берегам (в чем они ошиблись, пишет Бирд), то политические деятели смотрели на проблему экспансии США на Дальнем Востоке шире, отдавая себе отчет в неизбежности возникновения острого международного соперничества в этом районе. Бирд полагал, что государственные деятели США видели в России и Японии главных своих соперников на Дальнем Востоке, и в Китае в частности. Основная задача американской политики, считал Бирд, носила политический, а не экономический характер: сохранение равновесия сил в этом районе между основными империалистическими державами, особенно между Японией и Россией, оборона Филиппинских островов от покушений со стороны Японии и т. п. [58] Бирд оговаривал, что конечной целью политической борьбы является, разумеется, «торговля и прибыли», а не «утверждение христианских добродетелей при помощи штыков, бомб и газов» [59].

Эта точка зрения, подчеркивая экономическую заинтересованность США в странах Дальнего Востока, не преувеличивала ее и в то же время не упускала из виду ряд других, не менее важных политических, дипломатических и военных соображений. Такой подход представляется нам наиболее объективным. В рамках этого подхода американские историки делают акцент либо на экономическую, либо на политическую сторону внешнеполитической стратегии США. Проф. Оуэн Латтимор писал в 1934 г., что доктрина «открытых дверей» — это способ «неограниченной торговой эксплуатации» Китая морскими державами, и направлена она против России и Японии. Латтимор подчеркивал, что, несмотря на свое моральное обоснование, эта американская доктрина являлась фор-

[58] *Ch. A. Beard* and *M. R. Beard.* The Rise of American Civilization. New York, 1942, p. 490—498.
[59] Цит. по: *B. C. Borning.* The Political and Social Thought of Charles A. Beard. Seattle, 1962, p. 110.

мой выражения «реальной политики», т. е. он указывал не только на ее экономическое, но и политическое содержание [60].

Проф. Тайлер Деннетт отдает предпочтение политическим факторам при оценке политики США на Дальнем Востоке. Он рассматривает такие внешнеполитические акции США, как аннексию Гавайев и Филиппин и провозглашение доктрины «открытых дверей», как звенья одной и той же цепи событий. Он считает, что все эти акции были совершены при активной поддержке Великобритании, которая «ушла» из Карибского бассейна и помогла США овладеть Филиппинами, чтобы Америка в свою очередь поддержала английскую политику в Китае, направленную против России. Деннетт пишет: «Наша дальневосточная политика была фактически частью нашей карибской политики. Наши интересы на Дальнем Востоке далеко не всегда были гуманными или рыцарскими. Мы получили взамен нечто материальное» [61]. Т. е., по мысли Деннетта, коммерческие выгоды в Китае не стоили тех затрат и риска, которые влекло за собой вступление США в сложную международную политику на Тихом океане, если бы не было компенсации в виде карибских владений. Таков один из тезисов автора, на которых покоится концепция американской политики на Тихом океане. Второй тезис обосновывает политику США уже на самом Дальнем Востоке. Этой теме он посвятил специальную монографию [62].

В своем исследовании Деннетт исходит из посылки, что главной задачей американской внешней политики в начале XX в. являлось поддержание равновесия сил в мире, как в Европе, так и в Азии. Таково было мнение президента США Теодора Рузвельта, и его Деннетт считает ключом к пониманию американской политики в тот период. Рузвельт полагал, что основная тяжесть выполнения этой задачи лежит на Великобритании, однако в тех случаях, когда ей не удается поддержать равновесие в каком-либо районе, на сцену должны выступить США, чтобы восстановить баланс [63]. На Дальнем Востоке, согласно мысли Деннетта, политика США определялась стремлением столкнуть Японию с Россией в затяжном конфликте так, чтобы они уравновешивали друг друга. Именно этими соображениями руководствовался Рузвельт, пишет Деннетт, до, во время и после русско-японской войны. Такова была главная цель, и, добиваясь ее, США рассматривали Корею и Маньчжурию в качестве «пешек», или, иными словами, как второстепенные цели в дипломатической интриге. Более

[60] *O. Lattimore.* Studies in Frontier History. Collected Papers 1928—1958. Paris, 1962, p. 79—82.
[61] *T. Dennett.* The Open Door Policy as Intervention.— «Annals of the American Academy of Political and Social Science», Vol. 168, Philadelphia. 1933, p. 82.
[62] *T. Dennett.* Roosevelt and the Russo-Japanese War. Garden City, 1925.
[63] Ibid., p. 1—2.

важное значение, чем обладание Кореей и Маньчжурией, США придавали обеспечению безопасности Гавайев и Филиппин [64]. Корея и Маньчжурия были платой Японии за ее выступление против России и за ее гарантию неприкосновенности Филиппинских островов.

Что касается территориальной неприкосновенности Китая, как декларированной цели американской политики, и экономических интересов части деловых кругов США в Маньчжурии, то руководители внешней политики США считали их менее важными. Кроме того, обе последние цели были труднодостижимыми, так как США не собирались применять вооруженные силы в борьбе со своими соперниками. Деннетт пишет, что Рузвельт видел опасность, исходившую со стороны усиливавшейся Японии, но считал достаточной гарантией от этой угрозы создание собственного сильного военно-морского флота [65].

В поисках более убедительных объяснений мотивов политики США американские историки предложили новые гипотезы. Т. Бейли высказал мысль о том, что войны с Испанией якобы хотел американский народ и его давление на конгресс сыграло решающую роль, так как ни президент Маккинли, ни деловые круги, ни государственный департамент воевать не хотели [66].

Специальные исследования национальной психологии и ее влияния на выработку внешнеполитического курса США были осуществлены профессором Буффальского университета Джюлиусом Прэттом [67]. В сущности концепция Прэтта является модификацией старой идеи «предопределения судьбы» или «миссии» Америки, с одной стороны, и ответственности всего американского народа за внешнеполитический курс США, а не его государственных деятелей и влиятельных группировок правящего класса (как это несколько позже сформулировал Т. Бейли),— с другой стороны. Причиной войны с Испанией, по словам Прэтта, будто бы явилась реакция американского народа, воспитанного на идеях «предопределения судьбы», на обстановку на Кубе.

*

Претензии на политическое руководство капиталистическим миром после второй мировой войны со стороны официальных кругов США стимулировали исследования, направленные на поиски «исторического обоснования» особой роли этой страны и ее внешней политики как в прошлом, так и в современных усло-

[64] Ibid., p. 6.
[65] Ibid., p. 333.
[66] *T. A. Bailey.* A Diplomatic History of the American People. New York, 1958, p. 3.
[67] *J. W. Pratt.* Expansionists of 1898.

виях. Такое положение способствовало развитию «официального» направления в историографии, которое оперирует категориями американских «идеалов», «миссии» США и их традиционного «антиколониализма» на Дальнем Востоке. В американской литературе это направление нередко именуется «идеалистическим».

В работах профессоров Фрэнка Танненбаума (Колумбийский ун-т), Декстера Перкинса (Рочестерский ун-т), Фостера Р. Даллеса (университет штата Огайо), Джона Фейрбэнка (Гарвардский ун-т), Эдвина Рейшауэра (Гарвардский ун-т) и других ученых развивалась мысль о бескорыстном альтруизме, «идеализме», «гуманизме», «чувстве справедливости», присущих американскому народу, как одному из главных мотивов политики США на Дальнем Востоке в прошлом веке [68]. Не все перечисленные авторы с одинаковой последовательностью придерживаются «идеалистической» концепции в своей исследовательской деятельности. Наиболее последовательными являются Ф. Танненбаум и Д. Перкинс. Другие стремятся сочетать «идеалистические» аргументы с более прагматическими соображениями экономического и внешнеполитического характера [69].

Послевоенные историки продолжали развивать тезис «официального» направления конца XIX в. о роковом, непредумышленном вовлечении США в колониальную, империалистическую политику на Тихом океане. Только тогда в качестве силы, которая «вовлекла» США в экспансионистскую политику, выступали бог, провидение, сознание «миссии» и подобные им мистические факторы, а в послевоенной литературе такой силой объявлена сама логика международной политики, само развитие международных событий.

В этом пункте смыкается «официальная» концепция и точка зрения сторонников «международно-политического» подхода. Так, проф. Рэймонд Эстус, опубликовавший сравнительно недавно монографию «Теодор Рузвельт и Япония» [70], склонен отдать предпочтение международным политическим факторам как решающим при определении внешнеполитического курса США на Дальнем

[68] *F. Tannenbaum.* The American Tradition in Foreign Policy. Norman, 1955; *F. R. Dulles.* China and America. Princeton, 1946; *idem.* America's Rise to World Power 1898—1954. New York, 1955; *idem.* Yankees and Samurai. America's Role in the Emergence of Modern Japan, 1791—1900. New York, 1965; *idem.* Prelude to World Power. American Diplomatic History 1860—1900. New York, 1965; *J. K. Fairbank.* Trade and Diplomacy of the China Coast. Cambridge (Mass.), 1953; *E. O. Reischauer.* The United States and Japan. Cambridge (Mass.), 1965; *K. S. Latourette.* The United States Moves Across the Pacific. New York, London, 1946; *L. H. Battistini.* The United States and Asia. New York, 1955; *D. Perkins.* The American Approach to Foreign Policy. Cambridge (Mass.), 1954.

[69] См. например: *F. R. Dulles.* Prelude to World Power, p. 94; *idem.* America's Rise to World Power, p. 22, 60.

[70] *R. A. Esthus.* Theodore Roosevelt and Japan. Seattle and London, 1966.

Востоке. То, как Рузвельт понимал дальневосточную ситуацию и объяснял свою политику в отношении Японии, России и Китая, видно из его писем президенту Тафту от 8 и 22 декабря 1910 г. [71]

Р. Эстус, проанализировав эти письма, приходит к выводу, что «Рузвельт хотел принести в жертву открытые двери и неприкосновенность Китая в пользу стратегических и экономических интересов Японии в Маньчжурии, чтобы компенсировать ее за дискриминацию японцев в Соединенных Штатах и ограничение въезда туда японских рабочих» [72]. Правда, далее Эстус, спасая престиж официальной американской политики, заявляет, что государственными деятелями США «не было сделано никаких серьезных уступок Японии за счет неприкосновенности Китая и «открытых дверей»», так как японцы не догадались проявить большую настойчивость. Однако такая оговорка звучит неубедительно в свете хорошо известных исторических фактов.

К рассмотренной нами концепции примыкает точка зрения Чарлза Вевьера, интересная тем, что она базируется на исследовании большого фактического материала. В монографии Вевьера показаны те группировки деловых кругов Америки, которые непосредственно были заинтересованы в экспансии в Китае в период до первой мировой войны [73]. В результате автор приходит к выводу, что инициатива в создании банковской группы для строительства железных дорог в Китае исходила из госдепартамента, а не из деловых кругов. В Вашингтоне полагали, что, используя дипломатический и финансовый рычаги, американская политика сможет успешнее добиваться своих целей в Китае. Что же касается самих американских банкиров, то они не проявляли особого желания вкладывать деньги в железнодорожное строительство в стране, будущее которой было неясным. Госдепартаменту, как пишет Вевьер, приходилось даже убеждать финансистов, обращаясь к их «патристическим чувствам», чтобы побудить осторожных банкиров присоединиться к консорциуму [74]. Эта концепция напоминает точку зрения проф. Уитни Грисуолда, который полагал, что именно политики, и прежде всего Тафт и государственный секретарь Нокс, «пытались перекачивать американский капитал в Китай и Маньчжурию» [75], намереваясь заинтересовать американских бизнесменов в китайском рынке, чтобы облегчить себе выполнение политических задач.

Роль экономических интересов некоторых деловых кругов США в определении их внешнеполитического курса на Дальнем

[71] Ibid., p. 307.

[72] Ibid., p. 308.

[73] *Ch. Vevier.* The United States and China 1906—1916. New Brunswick, 1955.

[74] Ibid., p. 206—219.

[75] *A. W. Griswold.* Op. cit., p. 152, 173.

Востоке освещена в хорошо документированной монографии Чарльза Кемпбелла [76]. Он пишет, что аннексия Филиппинских островов «была частично результатом давления деловых кругов» [77]. Кемпбелл также показал, что политика США в отношении Китая в значительной степени определялась интересами американского бизнеса. Примерно такой же является точка зрения проф. Вильяма Вильямса, назвавшего политику «открытых дверей» «блестящим стратегическим ходом, который привел к постепенному расширению экономической и политической власти Америки во всем мире» [78]. Однако самым последовательным сторонником точки зрения о решающем значении позиции делового мира для определения внешнеполитического курса США на Дальнем Востоке в послевоенной американской историографии является профессор Корнеллского университета Уолтер Лафебр [79]. Он считает, что именно интересами деловых кругов руководствовалось прежде всего правительство Маккинли при определении своей политики, и позиция большого бизнеса в конце концов оказалась определяющей для принятия решения о войне с Испанией и аннексии Филиппин.

Критическое направление (в отношении «официальной» и «экономической» концепций) представлено в послевоенной исторической литературе работами профессоров Ганса Моргентау (Чикагский ун-т), Джорджа Кеннана (Принстонский ун-т), Роберта Осгуда (директор Вашингтонского центра по исследованию внешней политики) и других сторонников концепции «политического реализма» (или «реальной политики») [80].

[76] *Ch. S. Campbell.* Special Business Interests and the Open Door Policy. New Haven, 1951.

[77] Ibid., p. 41, 61.

[78] *В. Э. Вильямс.* Трагедия американской дипломатии. М., 1960, стр. 37 (*W. A. Williams.* The Tragedy of American Diplomacy. The World Publishing Co., 1959).

[79] *W. LaFeber.* The New Empire: an Interpretation of American Expansion 1860—1898. Ithaca, 1967.

[80] Послевоенный «политический реализм» выступил как критика «официального» («идеалистического») толкования истории и современного состояния американской внешней политики. «Реалисты» отвергли альтруизм, мораль и американские «идеалы» как главные цели, которые преследовала политика США вообще, и на Дальнем Востоке на рубеже веков в частности. Защита «национальных интересов» посредством создания собственной «силы» и поддержания регионального и мирового «равновесия сил» — вот подлинные цели политики США, вернее, таковыми они должны быть. Применительно к внешней политике США в конце XIX — начале XX в. концепция Моргентау, Кеннана и др. носит изоляционистский, антиэкспансионистский характер. Это следует иметь в виду, так как часть американских историков, которых по формальному признаку (оперирование категориями «сила», «равновесие сил» и т. п.) можно отнести к приверженцам доктрины «политического реализма» (например, Р. Страус-Хюпе, С. Поссони, отчасти Т. Бейли и др.), выступает за более агрессивную политику США в сегодняшнем мире.

Моргентау считает причиной испано-американской войны чрезмерный альтруизм и идеализм американских государственных деятелей и народа. Эти благородные побуждения не соответствовали подлинным «национальным интересам» США, и поэтому колониальные захваты в Тихом океане надо рассматривать как внешнеполитическую ошибку [81]. Несмотря на различную оценку результатов испано-американской войны, и «официальная» концепция и ее критики оказываются едиными в характеристике ее причин. В сущности таким же является подход к этой проблеме Осгуда и Кеннана. Оба считают испано-американскую войну и политику «открытых дверей», провозглашенную Хэем, акциями, продиктованными как альтруистическими, так и внутри- и внешнеполитическими соображениями, будущих далекоидущих (по преимуществу отрицательных) последствий, которых государственные деятели США просто не представляли. Последствия этих шагов вышли за пределы ожидавшихся результатов, как полагают Осгуд и Кеннан, по той причине, что в тот период США и американские государственные деятели были еще не готовы в полной мере (идеологически, организационно, морально) искусно осуществлять внешнюю политику великой державы. Слишком значительным был разрыв между идеалами, которые исповедовали государственные мужи США, и сложностями реальной обстановки, с которыми они столкнулись на международной арене [82].

В послевоенной литературе получила значительное распространение «эмоциональная», или «психологическая», концепция. К ее приверженцам следует отнести профессоров Джюлиуса Прэтта, Эрнста Мея, Ричарда Хофстэдтера, Луиса Халле. Дж. Прэтт писал, что главные причины американской экспансии имели «интеллектуальный и эмоциональный, а не экономический характер» [83]. По мнению этих ученых, сам ход событий (как внутри страны, так и за рубежом) в конце XIX — начале XX в., в общем не зависевший от руководителей американского государства, привел к созданию в США такого эмоционального, психологического климата, при котором внешняя политика совершалась как бы сама по себе, без активного вмешательства со стороны администрации. Правительство якобы оказалось подхваченным мощной

[81] *H. J. Morgenthau.* The Mainsprings of American Foreign Policy: National Interest vs. Moral Abstractions.— «American Political Science Review», 1950, N 4, p. 840.

[82] *R. E. Osgood.* Ideals and Self-Interest in America's Foreign Relations. Chicago, 1951; *G. F. Kennan.* American Diplomacy 1900—1950. Chicago, 1951.

[83] *J. W. Pratt.* American Colonial Experiment. Glouchester (Mass.), 1964, p. 36.

волной всеобщего возбуждения и пассивно плыло по течению [84].

Эта точка зрения напоминает позицию Бирда, Бемиса, Вевьера и др., считающих ответственными за испано-американскую войну интеллектуалов и желтую херстовскую и пулитцеровскую прессу, создавших в стране атмосферу джингоизма [85]. Но есть и различие. Хофстэдтер, подчеркивая «иррациональную» основу политических решений 1898 г., полагает, что атмосфера джингоизма была порождена экономической депрессией, возникшей в начале 90-х годов. Государственные деятели использовали настроения шовинизма в своих собственных политических целях (внутрипартийной и межпартийной борьбы и т. п.), а также для того, чтобы отвлечь общественное мнение от нерешенных внутренних проблем страны. Халле (как и Мэй), с одной стороны, подчеркивает необычайный эффект победы Дьюи, кардинально изменившей настроения американцев, которые длительное время испытывали разочарование из-за отсутствия в их истории «героических военных деяний», а с другой,— ссылается на роковой, фатальный ход внешнеполитических событий, повлиять на который американское правительство было не в состоянии.

Оценка внешнеполитических акций американского правительства сквозь призму внутриполитических проблем США характерна для позиции профессора Северо-западного университета Кристофера Лэша [86]. Интересен подход научного сотрудника Центра по изучению Китая Мичиганского университета Мэрилин Янг: она рассматривает влияние на формирование американского внешнеполитического курса внутриполитической ситуации не в США, а в Китае — объекте политики [87]. М. Янг, будучи ученицей известного американского специалиста по Китаю и политике США в этой стране профессора Гарвардского университета Джона Фейрбэнка и профессора того же университета Эрнста Мэя, разделяет точку зрения своих учителей на психологические факторы как решающие в активизации политики США на Дальнем Востоке в конце XIX в. Однако большой документальный, по преимуществу новый архивный материал, привлеченный ею при исследовании

[84] *E. May.* From Imperialism to Isolation 1898—1919. New York, 1964; *L. J. Halle.* Dream and Reality.— «American Expansion in the Late Nineteenth Century», ed. by J. R. Hollingsworth. New York, 1968; *R. Hofstadter.* The Paranoid Style in American Politics and other Essays. New York, 1965.

[85] *J. W. Pratt.* The Ideology of American Expansionism.— «American Expansion in the Late Nineteenth Century», p. 12—18; *Ch. Vevier.* American Continentalism: an Idea of Expansion, 1845—1910.— «American Historical Review», Vol. LXV, January 1960, p. 323—335.

[86] *C. Lasch.* The Anti-Imperialists, the Philippines and the Inequality of Man.— «American Expansion in the Late Nineteenth Century». New York, 1968, p. 89—95.

[87] *M. B. Young.* The Rhetoric of Empire. American China Policy, 1895—1901. Cambridge (Mass.), 1968.

деятельности американских частных фирм и представителей госдепартамента в Китае, показывает, с какими большими трудностями сталкивались американцы в этой стране из-за специфики китайской политической и хозяйственной структуры и конкуренции европейцев. Эти трудности отрицательно сказывались как на экономической, так и внешнеполитической активности США в этой стране.

*

Таким образом, в исторических и публицистических работах американских авторов конца XIX — начала XX в. (Конант, Б. Адамс, Денби, Барретт и др.) был популярен тезис об особой важности дальневосточных рынков для США. Этот тезис служил американским историкам в качестве главного обоснования и объяснения экспансионистской политики Соединенных Штатов на Дальнем Востоке. Другим распространенным толкованием мотивов политики США являлась официальная точка зрения, зафиксированная в государственных документах и широко пропагандируемая историками; эта точка зрения была диаметрально противоположна первой по своему содержанию: она отрицала, что среди целей, которые США преследовали, важное место занимали соображения экономической эксплуатации стран Дальнего Востока. Американские историки (Миллард, Гриффис, Кулидж, Латане и др.) пытались доказать, что государственными деятелями США двигали благородные, гуманные и альтруистические побуждения, например стремление облегчить участь филиппинцев, страдавших от жестокого испанского колониального правления, или желание сохранить территориальную целостность Китая от покушений европейских держав.

Последующие исторические события обнаружили научную несостоятельность первой концепции; ее популярность среди американских ученых стала уменьшаться, и к началу второй мировой войны она почти полностью исчезла со страниц исторических исследований в своем первоначальном виде. По-видимому, немалую роль в ее гибели сыграло также то обстоятельство, что она была очень непривлекательной с пропагандистской точки зрения, ибо откровенно ратовала за колониальную экспансионистскую политику. Отчасти как реакция на эту концепцию в американской литературе осталось неприязненное отношение к попыткам историков вскрыть экономические корни внешней политики, начинать историческое исследование с анализа экономических интересов американских деловых кругов в странах Дальнего Востока. Поэтому неудивительно, что в американской историографии очень невелико число специальных работ такого профиля, как монографии Ч. Вевьера, Ч. Кемпбелла и особенно У. Лафебра.

Концепция об альтруистическом характере политики США в конце XIX — начале XX в., об отсутствии в ее мотивах корыстных

побуждений экономического характера получила дальнейшее развитие в работах 20—40-х годов и в послевоенный период (Деннис, Фостер, Танненбаум, Перкинс и др.). Ее привлекательность, с точки зрения правящих кругов США, очевидна, но для непредубежденного читателя, да и для самих американских историков, знакомых с документами и фактами, не менее очевидна ее научная несостоятельность. Поэтому начиная с 20-х годов в американской историографии стала особенно заметна тенденция найти более убедительные объяснения внешней политики США. Эта тенденция отчетливо просматривается в работах Деннетта, Бирда, Грисуолда, Эстуса. Не посягая на теоретические основы буржуазной исторической науки и действуя в рамках общепринятой в западной литературе методологии, эти авторы пытаются найти более убедительные обоснования американской политики. Их тезис о том, что объяснение экспансионистской политики США на Дальнем Востоке на рубеже веков следует искать в их внешнеполитических интересах в этом районе, а не только в экономических, моральных или психологических факторах заслуживает внимательного изучения. Но нельзя забывать тем не менее, что и для этой точки зрения характерно стремление преуменьшить (хотя и не отрицать совсем) значение экономической стороны экспансии США.

Для историков-марксистов точка зрения об американском альтруизме и гуманизме как главном мотиве политики США вообще не приемлема по причине ее научной несостоятельности. Она неоднократно и обоснованно подвергалась критике. Более того, сами американские авторы становятся в тупик, пытаясь с этой платформы проанализировать политику США. В самом деле, как можно, например, объяснить соглашение Тафта — Кацура (1907 г.), по которому США не возражали против оккупации Японией Кореи в обмен на неприкосновенность Филиппин, если всерьез принять мнение о том, что США собирались защищать территориальную неприкосновенность Китая, не говоря уже о самой Корее (ведь с последней у США был договор о «добрых услугах»). Американские историки разводят руками, констатируя, что США в этом случае продемонстрировали «отсутствие заинтересованности в судьбе Китая» и их позиция была «позорной и не имеющей оправдания» [88]. Так пишет пятьдесят лет спустя Ралф Минджер, но ведь это не объяснение. Современные историки хотят знать, почему США поступили таким образом, какие цели они в действительности преследовали? Р. Минджер заявляет, что Тафт ошибся из-за своей некомпетентности: просто он не увидел связи между стремлением Японии захватить Корею и ее дальнейшими

[88] *R. E. Minger.* Taft's Missions to Japan: A Study in Personal Diplomacy.— «Pacific Historical Review», 1961, N 3, p. 283.

экспансионистскими планами в отношении Китая, не смог предвидеть усиления Японии.

Но любой сведущий историк сразу возразит Минджеру и тем, кто разделяет его мнение. Во-первых, Тафт — отнюдь не новичок в политике (военным министром, а именно в этом качестве он ездил в Японию, его назначили с поста губернатора Филиппин), был тесно связан с президентом Рузвельтом, который санкционировал все его дипломатические акции. Во-вторых, сам Рузвельт полностью понимал смысл этой сделки, о чем свидетельствуют его письма Тафту, которые мы уже упоминали. В-третьих, Рузвельт еще в бытность свою помощником военно-морского министра трезво оценивал агрессивность Японии и исходившую от нее угрозу для США в Тихом океане. 3 мая 1897 г. он писал Альфреду Мэхэну: «Я полностью отдаю себе отчет об опасности, исходящей со стороны Японии, и я знаю, что бесполезно рассчитывать на какие-либо чувства доброй воли по отношению к нам» [89]. Эти опасения безусловно еще более возросли после победы Японии над Россией. Таким образом, точка зрения Минджера и других историков, пытающихся объяснить отклонения американской политики на Дальнем Востоке от декларативного «альтруистического» курса ошибками отдельных государственных деятелей, их «наивностью» или отсутствием у них «исторической перспективы», не убедительны. Ведь политику Рузвельта продолжил Тафт, затем — Вильсон, а торг с Японией за счет Китая продолжал оставаться неизменным элементом американской стратегии на Дальнем Востоке.

Противоположная точка зрения о том, что политику США на Дальнем Востоке можно объяснить только их экономическими интересами там, также не выдерживает критики. Во-первых, заинтересованность американских монополий в дальневосточных рынках была сравнительно незначительной. Во-вторых, совершенно очевидно, что политика США диктовалась не столько стремлением превратить страны Дальнего Востока в рынки для американских товаров и капиталов, сколько желанием использовать их для различных внешнеполитических комбинаций.

Исследователь, отказывающийся учитывать это обстоятельство, становится в тупик, пытаясь объяснить мотивы целого ряда политических шагов США. Например, США, аннексируя Филиппины, в качестве одного из обоснований этого шага выдвинули тезис о необходимости получить базу на подступах к китайскому рынку. Почему же, овладев этой базой, они в дальнейшем предпочли делать уступки за счет китайского рынка (для овладения которым и нужна была эта база) ради обеспечения неприкосновенности Филиппинских островов от японских притязаний вместо того,

[89] «American Foreign Policy. A Documentary Survey 1776—1960». New York, 1961, p. 84.

чтобы, опираясь на нее, повести бескомпромиссную борьбу за столь многообещающий рынок. Далее, если исходить из стремления США во что бы то ни стало захватить дальневосточные рынки, то как понять, почему США уступали эти рынки Японии: сначала отдали ей маньчжурский рынок, затем — Корею? Из подобных посылок можно предположить, что такая политика была следствием ошибок, близорукости американских государственных деятелей, которые не видели, в чем заключаются подлинные цели внешней политики их страны. Но это неверно. В Вашингтоне были заинтересованы в направлении японской экспансии на север, а не на юг, что неизбежно должно было привести к столкновению интересов России и Японии.

Изучение внешней политики и дипломатии США в конце XIX — начале XX в. дает основание сказать, что американские внешнеполитические интересы на Дальнем Востоке (как и в других районах мира) определялись в конечном счете экономическими и политическими факторами.

Одной из главных целей государственных деятелей США было стремление создать такую ситуацию в тихоокеанском бассейне, которая позволила бы финансовым и деловым кругам их страны принимать участие в экономической эксплуатации народов этого района. Но при этом следует иметь в виду, что в то время Дальний Восток был не единственной областью, где американская внешняя политика становилась все более активной. Государственные деятели США рассматривали свою политику на Дальнем Востоке сквозь призму разнообразных, в том числе и глобальных, внешнеполитических интересов, таких, как взаимоотношения с европейскими государствами, прежде всего с Великобританией, карибская и латиноамериканская политика, проблема взаимоотношений с Японией, стремление построить такую систему политического равновесия сил на Дальнем Востоке, которая была бы выгодна США, и т. д.

Поскольку существовала как бы «иерархия» внешнеполитических, экономических, военно-стратегических соображений, интересов различных групп монополий, военных кругов и государства, нет ничего удивительного, что непосредственно экономические интересы отдельных монополистических групп на Дальнем Востоке могли быть на каком-то отрезке времени ущемлены, могли лишь отчасти приниматься во внимание при формулировании внешнеполитического курса страны. У Маркса есть определение государственной власти как комитета, управляющего «общими делами всего класса буржуазии» [90]. Естественно, что внешнеполитические интересы «всего класса» американской буржуазии не обязательно всегда совпадали с непосредственно экономическими интересами той или иной группы монополистической буржуазии

[90] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 4, стр. 426.

в том или ином районе земного шара. И если интересы какой-либо группы американских монополий оказались в какой-то отрезок времени «ущемленными» на Дальнем Востоке, то не обязательно потому, что государственные деятели «ошиблись» в своих внешнеполитических расчетах или по причине безразличия к интересам буржуазии как класса в целом. Интересы «всего класса буржуазии» могут выступать и, как правило, выступают на государственном уровне не только как непосредственно экономические, торговые или коммерческие интересы отдельных ее слоев, но и как внешнеполитические и военно-стратегические «общенациональные» и «государственные» интересы [91]. Что касается идеологического обоснования внешней политики, то оно может принимать совсем причудливые формы, например осуществления некоей сверхъестественной, божественной «воли» или «миссии», реализации во внешнеполитическом плане «комплекса неполноценности» нации или тех или иных особенностей ее психологического склада. При анализе факторов, влияющих на формулирование внешней политики государства, необходимо учитывать и ее идеологическое обоснование, так как оно, хотя и косвенно, оказывает на него воздействие.

На наш взгляд, непосредственно экономические интересы некоторых групп американских монополий явились важным фактором при формулировании внешнеполитического курса США на Дальнем Востоке, но он был не единственным.

Пропаганда об экономической заинтересованности США на Дальнем Востоке сыграла большую роль в обосновании американской экспансионистской политики. Важное место в системе аргументации в пользу американской экспансии занимали и многие другие объяснения и концепции, предложенные официальными государственными деятелями и учеными. Рассмотрение исторической литературы, посвященной политике США на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в., свидетельствует о том, что интерес к этой проблеме не исчез. Она привлекает внимание историков. Продолжаются споры, в ходе которых некоторые концепции отброшены, как не выдержавшие проверки временем. Другие, на наш взгляд, недостаточно убедительные концепции, а то и просто беспочвенные, все еще распространяются в издаваемых в США книгах. Серьезная, аргументированная полемика советских ученых с американскими специалистами призвана способствовать более глубокому изучению одной из наименее исследованных у нас отраслей науки — историографии внешней политики США.

[91] По мере усиления американский империализм все более откровенно обнаруживал свои претензии на «особую» роль в международных делах. Как сказано в Отчетном докладе XXIV съезду КПСС, американский империализм «за последние годы вновь подтвердил свое стремление играть роль своеобразного гаранта и охранителя международной системы эксплуатации и гнета» (*Л. И. Брежнев*. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971, стр. 18).